

Виктор Панько

Запомни запах маттиолы

Повесть и рассказы

Виктор Дмитриевич Панько

Запомни запах маттиолы.

Повесть и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740327

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга прозы фольклориста, журналиста и писателя, члена Российского союза писателей Виктора Дмитриевича Панько составлена из произведений, написанных после 2002 года, когда он впервые заявил о себе как прозаик, опубликовав несколько рассказов в кишиневском журнале "Рассвет". Повесть "Контуженый", ироническая проза "Философические письма далёкому другу", рассказы на современные темы, не лишённые юмора и сатирической окраски, будут интересны широкому кругу думающих читателей

Содержание

КОНТУЖЕНЬЙ	4
КЛЮЧИ ОТ ДЕТСТВА	28
БУНГУ-ВУНГУ	33
ФИЛОЗОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ДАЛЕКОМУ ДРУГУ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	85

КОНТУЖЕННЫЙ

*«Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты,
А дорогою степною
Шли с войны домой советские
солдаты...».*
/Слова из забытой песни/.

1

Возможно, солнце появилось в мире значительно раньше, чем эта зеленая трава и эти синеглазые цветочки, разбросанные то здесь, то там среди ромашек, стеблей тысячелистника и терпко пахнущей полыни. Может быть, прапрадеды этой травы и представляли собой не что иное, как обычный пырей или мышей, стремящийся сегодня засорить собой наши свекловичные или кукурузные поля, но вот тут, рядом с нею, растет еще и мелкий папоротник, и дикий чабрец.

Говорят, что папоротник существовал на земле очень давно, чуть ли не миллионы лет назад. Но тогда он был огромных размеров. Отпечатки гигантских листьев папоротника до сих пор находят шахтеры в пластах каменного угля...

Солнце появилось значительно раньше, чем папоротник, и чем пырей, и чем мышей, и – тем более – сурепка, которую нужно удалять с находящейся рядом свекловичной планта-

ции при помощи надежно зарекомендовавшей себя мотыги, придуманной сотни и тысячи лет назад, которая в наше время усовершенствована (значительно) и называется «сапа». А эти синеглазые цветочки, и папоротник, и полынь, и тысячелистник, и чабрец растут здесь, в райском уголке, на берегу крошечного ручейка, текущего из родника, который у нас везде называется «копанка».

В середине «копанки», расширенной чьими-то трудолюбивыми руками, из-под земли стремится тоненькая струйка водяной жилы, поднимающая вверх пузырьки серебристого цвета. Рядом с этими пузырьками может плавать какая-нибудь лягушонка с узорчатым красновато-желтым брюшком, которая у нас называется «чистивка», потому что она, якобы, каким-то образом очищает всякую воду, в которую попадет.

Рядом с копанкой, на установленной кем-то палке, может блестеть на солнце перевернутый вверх дном глиняный черпачок, или двухсотграммовый стакан, или выдавшая виды алюминиевая кружка, или, уже в наши дни, срезанная напополам пластмассовая полторашка.

Когда же на этой палке по каким-то причинам ничего не обнаруживается, то ты ложишься на траву, отодвигаешь в сторону краснопузую лягушонку, припадаешь губами к зеркалу копанки и пьешь, глоток за глотком, долгожданную влагу, утоляя таким способом свою потребность в воде, называемую словом «ЖАЖДА».

Его называли у нас «Контуженый».

Таких, как он, было немало после войны в наших селах. Кто пришел без руки, кто – без ноги, кто – с осколками, застрявшими здесь или там, а то и путешествующими по человеческому телу, как будто тут тебе какая экскурсия.

Кто-то из них быстро освоил науку костыля и протеза и уже совсем даже бодро шкандыбал по сельской пыльной улице. А кто – не сумел долечить все время открывающиеся раны и был похоронен на сельском кладбище с надлежащим почетом и уважением, как положено, с духовым оркестром и священником, с задушевыми словами о вечной памяти, которая – в наших сердцах.

И слова эти были искренними, и слезы молодой жены, измученной вечной работой, и чистые слезинки двух детишек, оставшихся отныне сиротами, были горькими. И не скоро, ой не скоро суждено им просохнуть, потому что нужны для этого годы и годы.

Сегодня прошедших путь этот, фронтовиков Великой Отечественной, остались буквально единицы. И каждый из них прошел путь своей судьбы, который измерялся километрами фронтовых дорог, может быть – гектарами минных полей, а может быть – секундами или минутами неповторимых и важных событий, от которых зависело очень многое из того, что мы привыкли называть главным в жизни.

Насколько я теперь понимаю, следов какой-то травмы, нанесенной ему контузией, у него заметно не было. Может быть, на то, что он не такой, как другие, указывало только отсутствие улыбки да какой-то чересчур напряженный погляд из-под черных бровей, в котором угадывались и сила, и тревога, и готовность к чему-то резкому, неожиданному и страшному.

Худощавый, мускулистый, стройный, крепкий, с детства привыкший к тяжелому труду, и даже не могущий себе представить, что жизнь может существовать без этого труда, он не принес с войны никакого физического изъяна, а глубокие шрамы, один – на ноге, а другой – на плече, – не в счет, так как они ему движений не стесняли и ни в чем не мешали.

...Некоторое время Контуженный был сторожем на колхозной бахче, и бахча была в полной безопасности. Пацаны не рисковали туда соваться, следуя тысячам материнских советов «с Контуженым не связывайся», а главное – потому, что был он наш родственник, но даже не только родственники, а и любые посторонние в воскресенье могли подойти, хлопца три-четыре, и попросить у него пару арбузов и пару дынь.

Встречал он эту делегацию высоких гостей не столь приветливо, но нам тогда было это все равно, лишь бы арбузов дал. Сам ходил выбирать, приносил всегда спелые, крупные,

с черными семенами, покрытыми мелким инеем сахара, разрезал их аккуратно, оставляя середину мякоти – «волка» – напоследок.

Раздавал доли каждому и смотрел, как мы едим. Хвалил за то, что не ходим к нему красть и не бьем зеленых арбузов.

Подумайте сами: разве, когда крадешь – успеваешь смотреть, какой арбуз – спелый, а какой – зеленый? Тогда выбирать некогда. А так, вот, пришли, поели, и он еще принесет, если что, но красть – Боже упаси! Ружье у него всегда заряжено, а соли теперь в любом магазине – навалом. Никто из вас никогда не получал по заднице заряд соли ?

«Не-н-е-е, это не мы... Получил вон тот-то... Мы об этом знаем... Он даже нам показывал... Ее у него как оспой поело. Н-н-е – не мы...».

И вот тут Контуженный берет ружье, прицеливается в какого-то несчастного воробья, и как жახнет сразу из двух стволов – с того воробья даже мокрого места не остается. Только пыжи валяются, дым из стволов, да запах пороха нос щекочет:

–А-апчхи!

–Будьте здоровы!

–Спасибо, нанашко! (*Нанашко – крестный отец*).

–Май заходит до нашей колыбы! (*Колыба – шалаши*).

И что же это ? Вы когда-нибудь подобное видели? Контуженный улыбается!

Но улыбка на его лице появлялась настолько редко, что, казалось, она тут вообще неуместна и невозможна.

К нам его отношение, как я теперь понимаю, было двоякое. Увидев кого-то из нас, босого, с побитыми пальцами ног от вечных спотыканий, в залатанных-перелатанных, невесть с кого перешитых брюках, которые у нас назывались «панталоны», перевязанных какой-то хитроумной веревочкой по названию «очкур», он мог подойти, дать тебе яблоко, а яблоки тогда не у каждого в огороде росли, и спросить:

– Ти чий ? – *Ты чей?*

– Міті Паньки. – *Мити Панько.*

– А що ты їв сьогодні ? – *А что ты ел сегодня?*

– Капусняк. – *Капустняк.*

– А дід Максим що робе? – *А дед Максим что делает?*

– Не баче. – *Не видит.*

– А баба Оля? – *А баба Оля?*

– В городі. – *В огороде.*

– А мама Дуня? – *А мама Дуня?*

– У полю. – *В поле.*

– А тато Митя? – *А папа Митя?*

– На Уралі. – *На Урале.*

– А баба Мариоара? – *А баба Мариоара?*

– Селяє тютюн. – *Нанизывает табак.*

– А ты куриш? – *А ты куришь?*

– Н-е-е. – *Н-е-е.*

— Не кури, пожару наробиш. — *Не кури, пожару наделаешь.*

— А в школу коли? — *А в школу когда?*

— На осень. — *На осень*

— Я чув, ти вже читаєш? — *Я слышал, ты уже читаешь?*

— Читаю. — *Читаю.*

— А буквы відки знаєш? — *А буквы — откуда знаешь?*

— Мама показала. — *Мама показала.*

— І що ти читаєш? . — *И что ты читаешь?*

— «Лиса и мыши». «Китайский мальчик читал при свете луны». «Обращение товарища Сталина к советскому народу».

— А це — хто? — *А это — кто?*

— Рокоссовский. А може — Василевский.

— *Рокоссовский. А может - Василевский.*

— Не Сталин? — *Не Сталин?*

— Не-е-е. Сталин — з вусами... — *Нет, Сталин — с усами...*

— Правильно. А мене знаєш? — *Правильно. А меня знаешь?*

— Не-а. А Ви — хто? — *Не-а. А Вы — кто?*

— Контужений... — *Контуженый .*

Погладит по голове и уходит, не сказав больше ничего.

Или вот идете вы мимо его плетеного забора, он вас увидел и окликает:

— Мэй, Мотря, а — ну їди сюди!

— *Эй, Мотря, а-ну иди сюда!*

–Що, вуйко? – *Чего, дядя?*

–Иди, дам тобі грушок. – *Иди, дам тебе груш.*

–Кракати за чупер будете? – *Щипать за волосы будете?*

–Не бойся, не буду. – *Не бойся, не буду.*

– От тобі грушки. *Дай хлопцам.* – *Вот тебе груши.*

Дай хлопцам.

Мэй, Панчоха, хочеш грушку?

–*Эй, Панчоха, хочешь грушу?*

–Хочу. – *Хочу.*

–Та йди, дам ... – *Так иди, дам ...*

...И вот вы подходите, и Контуженый насыплет вам полную пазуху мелких, желтых, пахучих, сладких груш. И кажется тебе, что никого на свете нет лучше, чем дядя Контуженый, и ты забываешь все предупреждения о том, чтобы с ним не связываться. И вот вы играете с пацанами в резиновый мячик – высшее достояние и гордость всей магалы. Это тебе не мяч из тряпок, который даже и не прыгает, а – самый настоящий попрыгунчик! И вот ты разбегаешься и большим пальцем правой босой ноги – бац ! Ах, как красиво он летит! И как далеко! И кто-то говорит «Ой!», и ты думаешь, что это-возглас восхищения красотой твоего удара. Но, оказывается, что этот «Ой!» – совсем другой. Это – звук похоронного марша по нашему самому большому богатству, по нашему настоящему резиновому мячу. Потому что Контуже-

ный разве не предупреждал вас, что ему надоели ваши глупые крики и ваши мячи, тряпичные, или самые настоящие резиновые, и ваши дикие возгласы, и вы все вместе взятые, и – каждый из вас в отдельности! Сказано – идите играть подалее и не трогать его огорода! Вот вам порезанные пополам кусочки вашей гордости, может вам их удастся склеить! Мне ваш мяч не нужен, заберите и лучше сюда не показывайтесь! Байстрюки ! В колхоз! На работу! Селяти тютюн!

Ну, разве можешь ты забыть эту смертельную обиду?

Но проходит какое-то время, встретит Контуженый тебя на дороге:

–Ты чий ?

–Міті Паньки.

–Що ти їв сьогодні?

–Капусняк.

–Ідем до мене, я тобі дам яблук.

–Не-е-е... Не хочу.

–Не бойся, я не кусаюсь.

–Не хочу. Нам принесла яблук тетя Женья.

–Дак то – не таки. Таких, як у мене – нема ні у кого.

– Не хочу...

Но тут он тебе расскажет какие-то небылицы, заведет к себе во двор и насыплет полную пазуху яблук.

Конечно, на всей земле тогда воцаряется мир и благодать. И поэтому ты однажды набираешься смелости, идешь к нему домой сам, без приглашения, и почему-то тропинка ведет к

дому как раз мимо той яблони. И ты ничего даже не то, что пальцем не трогаешь, но и взглядом этих проклятых яблок не касаешься. Бывает же такое, что задумаешься о чем-нибудь в свои шесть прожитых лет!

И вдруг: «Ба-бах !!!»

На пороге стоит Контуженный, в его руке дымится ружье, где-то высоко в небе свистит соль, наверное, ищет, к чьей бы это заднице прилепиться, а ты плачешь от несправедливости, и от испуга, и от горя.

Хорошо, хоть не записался. Но больше ноги моей в этом огороде не будет! И ныне, и присно, и во веки веков – аминь!

Никогда! Никогда! Никогда!

5

Конечно, теперь, спустя много лет, восстановить, хотя бы приблизительно, подробности того случая просто невозможно. Может быть, о нем рассказал бы детально сам Контуженный, если бы его хорошенько попросить, а кроме него кто бы смог сделать это еще?

Я думаю, что о происшедшем все же знала, с его слов, его жена Лида.

Когда они поженились, до войны или уже после войны, сказать теперь трудно, но, помнится, в первые годы что-то не находился у них общий язык, и частенько Лида ходила с синяками и перебивалась по соседям, хотя Контуженный вроде и не пил больше, чем другие, и были у них нередкие минуты

просветления.

—Что ты ему все терпишь? — допытывались любопытные соседки. — Может, ему что-нибудь отбило там, на войне?

—Ой, як вам не соромно, тетя Марфино, це казати, — увиливала от ответа Лида. — Чого в житті не буває! Жінка не бита — як посуда не мита — тоже не файна... (*Ой, как Вам не стыдно, тётя Марфина, так говорить! Чего в жизни не бывает! Жена не битая — как посуда немытая — тоже некрасивая...*).

Детей у них так никогда не было, может быть, из-за детей и весь этот сыр-бор и происходил в первые годы.

А потом как-то сразу все вдруг у них в семье переменялось в лучшую сторону. Слово солнце взошло, и стало им вдвоем все ясно и тепло. Контуженный с Лидой всегда ходили под ручку, и он почти перестал пить. И вроде улыбка стала появляться у него на лице чаще.

—Ну, що там твій Контужений робе? (*Ну, что там твой Контуженный делает?*), — спрашивала теперь та же соседка, пытаясь проникнуть в тайны их взаимоотношений, словно какой-нибудь Штирлиц.

—А він не контужений (*А он не контуженный*), — весело отвечала Лида, смахивая с глаз вылезшую из-под платка прядь волос. — Він — нормальний. Тільки — нещасливий (*Он — нормальный. Только — несчастный*).

Так или иначе, но перестали слышаться из их хаты мат-перемат, пьяные крики или слова песни: «Дальневосточная

— дивизия — раз-два, раз-два!» и наступила полоса дружной совместной жизни, которой кое-кто мог бы и позавидовать.

У Контуженного постепенно появилось и стало множиться хозяйство, он пошел на курсы трактористов, получил трактор, а механизаторы стали тогда зарабатывать совсем даже неплохо.

И война все отдалялась и отдалялась, год за годом и десятилетние за десятилетием...

6

Теперь трудно предположить, или, тем более, восстановить до тонкостей, что именно тревожило и преследовало его в послевоенные годы. Односельчане, бывшие с ним на войне и хорошо знавшие, как кто вел себя в самых разных ситуациях, ничего плохого сказать о нем не могли. Был он быстр, находчив, смел. Приходилось и в разведку ходить «за языком», и санинструктора замещать.

Однажды в бою во время сильного наступления немцев на наши позиции он выполнял обязанности санинструктора. Немцы уже-уже могли захватить нашу высотку, а вместе с этим и решить участь горстки оборонявших ее бойцов. В самый ответственный момент вдруг захлебнулся наш пулемет. Контуженный с санитарной сумкой на плече залег за пулемет и решил исход боя.

Приходилось ему и боевых товарищей хоронить, и трупы своих и чужих в разных ситуациях и позах видеть, и быть

свидетелем величайшего героизма и самых диких случаев, которые могут быть только на войне.

Довелось ему шагать по усыпанным цветами улицам освобожденных европейских столиц и выслушивать адресованные ему слова Благодарностей товарища Сталина. И поэтому после войны, в дни торжественных праздников награды свои он носил с достоинством и гордостью. И, слыша хвалебные слова в свой адрес, их не опровергал, а реагировал на них каким-нибудь положительным кивком. А в ответ на перешептывание тех, кто впервые видел его в полном параде: ««Орден Славы». «За отвагу»...» — только усмехался.

Никто не мог его ни в чем упрекнуть. И сам себя он тоже не мог ни в чем упрекнуть. Ни как гражданин, ни как солдат, ни как христианин. Он принял присягу и выполнил ее. Он пришел с войны победителем и освободителем. Его заслуги признаны его страной и всем миром. Он прошагал по Европе сотни и сотни километров, и этот путь не всегда напоминал санаторную прогулку.

Ему приходилось часами стоять по колени в холодной воде в траншее рядом с плавающими здесь трупами своих и чужих. Приходилось с криком «ур-р-ра!» бежать навстречу смерти, падать в грязь, подниматься, опять падать, вставать, идти, ползти, кататься по земле. Приходилось колоть штыком и хрясать кого-нибудь по башке изо всей силы прикладом, кричать, плакать, смеяться, стонать, шептать, проклиная, дико хохотать и тихо молиться Богу, Иисусу Христу и

Божьей Матери. Приходилось спасать друзей, прикрываться телами убитых врагов, видеть кровь, смерть, несчастья, стоять «смирно», спать под музыку артиллерийских разрывов. Приходилось пить фронтовые «100 граммов», не иметь по двое – трое суток маковой росинки во рту. Довелось восседать в Императорской ложе Венской оперы, быть неделями невымытым и завшивленным, а потом – чисто выбритым, в свежевыстиранной гимнастерке гордо шагать с вытянутыми вперед носочками начищенных сапог на параде, который принимал сам генерал Иванов!

А однажды к ним на позиции прибыл Маршал Жуков Георгий Константинович и прошел мимо Контуженого метрах в пяти и, увидев его, кивнул лично ему головой, вот не поверите, но это – чистая правда! Кивнул так, как бы говоря: «Держись, мол, Контуженый, не дрейфь, все будет хорошо!»

И вот, в дни послевоенных всенародных торжеств, отрываясь от своего трактора, от солярки, солидола и запасных частей, от кружки подкрашенного жженым сахаром кипятка на полевом стане под названием «чай», от повседневных забот, направленных на то, чтобы заработать себе на кусок хлеба, да еще, желательно, с маслом, отрываясь от всего этого и надевая пиджак с наградами, он вспоминал, кто есть на самом деле он – Контуженый. Кто он есть на самом деле и сколько он перевидал, перечувствовал и пережил за этот год войны, с апреля 1944-го по май 1945-го, имея в то время неполных ДЕВЯТНАДЦАТЬ лет!

И, проходя в колонне ветеранов, он, незаметно для себя, выпрямлялся, и фигура его, уже склонная к позиции вопросительного знака, переходила, насколько это возможно, к позиции знака восклицательного.

А когда грянет духовой оркестр «Прощание славянки», да двинется вперед колонна, да блеснут на солнце медали да медные трубы – как будто и не было этих послевоенных периодов, и – ты снова молод, товарищ младший сержант!

7

Рядовой 198 гаубичного полка блестяще-победоносной, пardon, наголову разбитой и позорно бежавшей армии вермахта Иоганн Лемке появился в первый раз в комнате у Контуженного как-то незаметно.

Он сказал «Guten Abend» («*Добрый вечер*»), робко присел на край табуретки и стал смотреть молча на Контуженого.

Контуженый взирал на рядового Иоганна Лемке с большим удивлением. Он непрощенных гостей не слишком уважал вообще, а тут никак не мог вспомнить, видел ли он когда-нибудь этого кадра. Затем удивление сменилось законным любопытством:

– Чого присунув? (*Чего приперся?*), – спросил Контуженный рядового немецкой армии Иоганна Лемке. – Мне кажется, у нас все ясно. Итоги подбиты, претензии не принимаются. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. А поэтому: Кру-гом ! И – ауфвидерзеен! (*aufwiedersehen* – до

свидания)!

...Во второй раз Иоганн Лемке был в той же поношенной немецкой военной форме, но с повязанной какой-то грязной тряпкой головой. Несмотря на это, он выглядел более энергичным. После своего немецкого «Guten Abend» он, не садясь на табуретку, начал мельтешить перед Контуженым по комнате и размахивать руками:

– Ти обещать! – возмущался он. – Ти – некарош поступок!

Эти слова страшно не понравились Контуженому, и он начал заводится:

– Ничего я тебе не обещал! А если обещал и не сдержал слова, то я поступил так, как твой Гитлер.

«Двадцать второго июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» «Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана: «Буду резать, буду бить... Ты останешься жмурить».

В четыре часа! Рано утром на рассвете, когда мирно спали дети! Що, Київ вам поперек горла став? И не кажи мені, що ви не могли прожити без того, щоби не бомбить город Бельци! (*Что, Киев вам поперек горла стал? И не говори мне, что вы не могли прожить без того, чтобы не бомбить город Бельцы!*)

«Обещать... некарош поступок...» – передразнил Контуженый немца. – Не нервируй меня. Я тебя, наверное, когда-то кокнул, и ты, конечно, на меня в обиде. Но, может, ты скажешь, что я приглашал тебя до Сталинграду? Або –

до Курска? А ты знаешь, что в Бельцах во время вашей бомбежки убило моего двоюродного брата Костю?

«Некарош поступок!» – Скажи кому-нибудь другому! Де-магог хренов! Ты был в Хатыни? А где это – полный склад человеческих ногтей? В Освенциме? Или – в Бухенвальде?

Ах, ты не был?! Я тебя предупредил: не нервируй! А теперь слушай мою команду! Смирно! И – не звездеть! А за оскорбление моей личности разными подозрениями сейчас я тебя звездану!

И – как звезданёт Контуженный рядового вермахта Иоганна Лемке – тот аж взвыл от боли...

...Но, оказывается, что это от боли взвыл не кто иной, как сам Контуженный. Потому что удар этот был слишком уж сильным. А его кулак, вместо подбородка рядового Иоганна Лемке, врезался в стену родной хаты, и Контуженный с криком проснулся.

* * *

Сколько раз являлся Контуженному во сне рядовой немецкой армии Иоганн Лемке – теперь трудно сказать, но можно предположить, что происходило это довольно часто. Контуженный стал каким-то необычно задумчивым. Его чаще можно было видеть возле пчелиных ульев, муравейников и тому подобных скоплений живых существ, где он наблюдал за тем, как эти живые существа себя ведут. Из этого можно сделать вывод о том, что его стала занимать проблема: может ли в принципе человечество обойтись без войн?

К какому выводу привели его эти наблюдения – неизвестно, потому что ничего никому он по этому поводу не говорил.

Во время этих посещений они спорили, ругались, обвиняли друг друга, и каждый раз Контуженый оказывался прав и заканчивал разговор командой «Смирно!». Но эти недосыпания плохо сказались на самочувствии Контуженого, и он слег.

Во время последнего визита Иоганна Лемке к Контуженому они оба были уже настолько выбившимися из сил этими противоречиями, что некоторое время только глядели друг на друга, ничего не говоря.

Они уже выяснили между собой, что во время войны убивают и виноватого, и невинного, причем невинных, почему-то, всегда бывает больше.

Они выяснили, что ответственность за несчастья, причиненные сторонам войной, – должна быть. Вот только не могли решить, одинаковой ли она должна быть у командира пехотного батальона и у рядового обозного гаубичного полка. Более высоких рангов они не касались.

* * *

Они вспомнили и подробности их встречи в 1945 году.

... Оказывается, в тот день была теплынь, очень хотелось пить. Воды не было, а колодец, или просто родник, находился на «ничейной» земле .

С нашей стороны за водой рискнул пойти Контуженый. И

наткнулся у воды на этого проклятого Иоганна Лемке.

Тут их мнения расходились. То ли Контуженый захватил немца в плен и должен был вести его как «языка» к нам, то ли они решили не убивать друг друга, будучи оба вооружены, непонятно. Понятно только то, что они какое-то время общались, и Лемке показал Контуженому фотографию своей семьи, на которой были запечатлены: он лично, его жена Хильда и его пятеро детей, а именно: Ганс, Фриц, Иоганн, Анна и Мари.

И вот, видите ли, через полвека Лемке вдруг решил выяснить, почему это Контуженый, уже отпустив Лемке и вернув ему фотографию, и уже направившись к своим, и уже пройдя шагов тридцать, ни с того, ни с сего, вдруг развернулся на 180 градусов, и как шарахнет в ничего не подозревающий затылок Иоганна Лемке из карабина – у того – сразу половина затылка – в стороне, и – вечная память героям вермахта!

Они долго обсуждали проблемы: была ли это – военная хитрость? Или – это было исполнение Устава? Или – это была обыкновенная человеческая подлость?

Контуженный придерживался мнения, что ему нужно было кокнуть этого проклятого Лемке еще до показа этой проклятой фотографии, а не обращать внимания на то, что этот проклятый Лемке был как две капли воды похож на односельчанина моша Синиона (*деда Семёна*). Любопытство, видите ли, взяло верх: как это немец из Дрездена может быть похож на молдаванина из Малаешт?

Такое было, видите ли, сильное любопытство, что он забыл об Уставе, о своем двоюродном брате Косте, о Хатыни и Бухенвальде и о проклятом Гитлере с его 198 гаубичным полком.

Но особенно печально, что забыл он и о капитане Лапшине из Особого отдела, который все видит насквозь даже на десятки километров, о широких просторах Колымы и о товарище Сталине, который мог бы заинтересоваться, не вели ли у родника представители воюющих сторон Контуженый и Лемке переговоров о послевоенном устройстве Европы без его, товарища Сталина, участия, а также без участия господ Рузвельта и Черчилля.

Короче – обернулся, шандарахнул и – аминь! И никто об этом не знал...

Последняя их встреча не закончилась обычной командой «Смирно!», а разошлись они, измученные, усталые, но не обозленные.

8

Контуженый лежал в постели уже больше недели. Он похудел, у него была температура.

К нему приходили родственники, приносили сметаны и печенья, разговаривали о том, о сём, а когда видели, что он устал и прикрывает глаза тонкими, полупрозрачными веками, замолкали, но не уходили, чтобы он не оставался один на один со своими грезами, мыслями, переживаниями и фан-

тазиями.

Когда ему становилось совсем плохо, у него прерывалось дыхание, он вытягивался, хрипел, что-то бормотал, кого-то отталкивал от себя, и в этом нечленораздельном потоке речи можно было разобрать:

«Заберите... дети... душат... воздуху... байстрюки... следуйте...».

Относились ли эти слова ко мне и моим друзьям Лене, Мише, Володе и Савве или к виденным им когда-то на фотографии Гансу, Фрицу, Иоганну, Анне и Мари – трудно сказать.

Потом он приходил в себя, лицо его светлело, он вполне связно и осознанно отвечал на вопросы и, казалось, оставалось совсем немного и он выздоровеет окончательно.

В один из таких дней он поманил к себе Лиду и сказал:
– Лида, дай поминальник.

Когда она сняла из-за иконы маленькую зеленую книжечку, в которую на протяжении десятилетий заносились имена в двух разделах: «О здравии» и «Об упокоении», он долго рассматривал и изучал имена в разделе «Об упокоении». Имена были мужские и женские. Их было много. Они шли по двум отцовским и по двум материнским линиям – его и Лиды – и были там и другие, уже забытые имена, потому что в книжечку все время подклеивали чистые листки и заполняли их, а заведена была эта книжечка еще в 1895 году.

Он рассматривал ее долго, как будто находя в ней глубо-

кий смисл, и как будто читал какой-нибудь захватывающий приключенческий роман.

Закончив это разглядывание, Контуженый хмыкнул и опять подозвал к себе жену.

–Лида, завтра суббота. Пойди в церковь.

–А що?

–Піди в церкву. Допиши сюди їдно мя. (*Допиши сюда одно имя*). Об упокоении...

–Яке мя?(*Какое имя?*)- удивилась Лида, ничего не понимая.

–Одно мя траба. «Іван».(*Одно имя нужно. «Иван»*).

–Що з тобою? Якей це «Іван»? У нас Івана, покойного, не записанного, нема. Ті що повмирали – всі записані. (*Что с тобой? Который это «Иван»? У нас Ивана, покойного, не записанного, нет. Те, что поумирали – все записаны*).

– Цей не записан. (*Этот не записан*). Иван Лемке.

– Що за Лемке ?

– Німец. Я тобі казав... Я з ним був коло копанки води брати. В сорок пятому році... Він мені фото показував... Його фамілія – Йоганн Лемке, я тепер припомнив. Напиши до церкви, хай батюшка прочитає:«Іван».Зроби це, дуже прошу... (*Немец. В сорок пятом году... Он мне фото показывал... Его фамилия Йоганн Лемке, я теперь вспомнил. Напиши до церкви, пусть батюшка прочитает: «Иван».Сделай это, очень прошу...*).

– Добре. Давай, запишу. Та як писать: «Йоганн» чи

«Іван»? *(Хорошо. Давай, запишу. И как писать: Йоганн или Иван?)*

–Іван... Я чув що ці імена єднакі: Іван, Йоганн, Ян, Іон, Жан, Джон, и ще якісь... *(Иван... Я слышал, что эти имена одинаковы: Иван Йоганн, Ян, Ион, Жан, Джон и еще какие-то...)*.

Видно было, что он устал. Лида записала новое имя в поминальник и отнесла священнику, и все, кто был в церкви, услышали список названных Контуженым имен, не обратив особого внимания на последнее из них – «Іван».

После этого действия настроение у Контуженого значительно улучшилось. Он стал бодрее, спокойнее и даже стал улыбаться.

В один из особенно хороших дней он позвал жену.

– Лида, я скоро умру. Запишешь мене після *(после)* Івана «Об упокоєнні». Не забудеш. А як умру – запиши «О здравії»: Ганс, Фріц, Іван, Анна і Марія. Не забудь. Може вони дес є по світі... Най Бог простит нас всіх... *(Может, они где-нибудь есть на свете. Пусть Бог простит нас всех...)*.

Лиду это предложение взволновало. Ладно, Іван, Анна и Мария – понятно. А як писати: «Ганс», «Фріц»? Тото ж німці... А що німці – православні? И що батюшка скаже? А люди? *(А как писать «Ганс», «Фриц»? Ведь то – немцы... А разве немцы – православные? И что батюшка скажет? А люди?)*.

–Скажеш, що я так казав: «Най Бог простит всіх. І вмер-

ших, і живих». Дуже тебе прошу, Лідунечка!

Впервые в жизни назвал он ее таким ласковым именем, никогда до этого он ее так не называл. Все некогда было, да и не были они воспитаны к нежностям.

Это так ее растрогало, что она, ни с того, ни с сего, заплакала, обняла Контуженого за худую шею, припала к его груди, и стали они плакать вместе, непонятно отчего...

9

Все произошло и сделано было так, как просил Контуженый.

Его похоронили торжественно. Впереди на подушечках школьники несли его ордена и венки из вечнозеленых металлических листьев и туи... Было сказано немало слов об его заслугах и мирянами, и священником. У участкового и у кого-то из военных, бывших на похоронах, оказались пистолеты, и в положенный момент на кладбище раздались одновременно два одиночных пистолетных выстрела.

А в зеленой поминальной книжке в разделе «Об упокоении» после имени «Иван» появилось имя «Георгий».

Такое имя значилось у Контуженого по паспорту.

10

И за горою скрылось еще одно солнце...

КЛЮЧИ ОТ ДЕТСТВА

Баба Маня готовилась к празднику загодя. Ходить самой в магазин за покупками ей неудобно: уже несколько лет беспокоят грыжа и поясница, поэтому даже не очень далекие расстояния за пределами огорода даются ей с трудом. Сказывается и обычная старческая усталость – бабе Мане далеко за семьдесят. Муж у неё давно умер, дети поразъехались, она – сама. Телевизора или радиоприемника у неё нет, но скучать ей не приходится. Печку – растопить, курей, гусей, козу, собаку и кошку – накормить-напоить. Перед домом – убрать, там – подмести, там – постирать, кукурузы – налущить,.. Борщ – сварить. И – так далее. Но это – обычная привычная работа, а подготовка к предстоящему празднику – совсем другое дело.

Сколько баба Маня себя помнит – Рождество и Новый год приносили ей и всем окружающим радость, улыбку, доброжелательность и оставляли после себя светлое воспоминание. К праздникам готовили всегда самую лучшую еду, накапливали денежек для раздачи колядующим детишкам, готовились зазывать за праздничный стол взрослых родственников, соседей, да и всех, кто случится, прохожих. А сколько радости доставляли эти праздники ей в детстве! Наверное, вся эта радость – от красоты, от музыки, от добрых слов,

светлых и прекрасных, от праздничных нарядов, от веселой и почему-то щемящей мелодии колядок, которым – сотни и сотни лет.

Баба Маня месила тесто для выпечки калачей и традиционных «гусочек». В печи уже горели дрова, руки делали привычную работу, а она вспоминала всю свою жизнь, довоенное детство, войну, голодовку, колхоз, работу в виноградарской и табачной бригадах, замужество, радости и горести.

Вспоминала, сравнивала, размышляла и вдруг поняла, что, как ни крути, самым приятным, самым счастливым, самым душевным событием во всей её жизни за все прожитые ею уже около восьмидесяти лет были вот эти зимние праздники.

Сколько добрых пожеланий звучало в те дни: счастья, здоровья, благополучия, богатства, начиная от слов: «Пане господарю, можна колядовати?» и кончая: «Дай Бог Вам счастья, здоровья!»

Подходят дети к окну, становятся полукругом, и, получив разрешение колядовать или «гейкать», поют такую трогательную за сердце мелодию.

Добрый вечір Вам, пане господарь,
Гей, Коляда, пане господарь!
Ми прийшли до Вас під Вашу хату,
Гей, Коляда, під Вашу хату.
А в Ваші хаті землі змащені,
Гей, Коляда, землі змащені.

Землі змащені, столи вкладжені,
Гей, Коляда, столи вкладжені.
А за тим столом всі святі стоять,
Гей, Коляда, всі святі стоять.
А на край стола – святий Николай,
Гей, Коляда. Святий Николай.
Святий Николай книжечку читав,
Гей, Коляда, книжечку читав.
Книжечку читав – дві сльози впускав,
Гей, Коляда, дві сльози впускав.
Де сльозинка впала, там керничка стала,
Гей, Коляда, там керничка стала.
А ту кернеченьку сам Господь копав,
Гей, Коляда, сам Господь копав.
Сам Господь копав, ім'я Маня дав,
Гей, Коляда, ім'я Маня дав.
А за цим словом бувайте здорові,
Гей, Коляда, бувайте здорові.
Не самі собою, а з дітьми й жоною,
Гей, Коляда, а з дітьми й жоною!
З Святим Рождеством !

Дети поют под окном снаружи, а в доме все собрались, тоже под окном, и слушают, слушают. А когда заканчивается, и надо выносить колядникам калачи и деньги, дети в комнате наперебой: «Я понесу, я, я...».

«Все это сегодня не так, как было, – думает баба Маня, –

время теперь поменялось. Но что-то и сохранилось от прошлого. Вот и ко мне в эти праздники, может быть, кто-то придет колядовать. Дать им особенно нечего, но вот испеку несколько гусочек, сберегла для этого случая немного денег по лею, подготовилась и, считай, месячной пенсии нет. Нет, да не беда, будет в следующем месяце. Зато праздник на душе».

И совсем не приходило ей в голову, что слишком уж поменялись времена. Настолько сильно, что одни колядующие сегодня искренне желают хозяину дома здоровья и счастья, а другие произносят эти слова, посмеиваясь и кривясь. Что одни подтверждают добрыми пожеланиями своё уважение к обычаям и традициям предков, уважение к старшим, а другие – лишь используют представившуюся им возможность попасть без приглашения в чужой огород с совсем другой целью – разведать, где что плохо лежит или что-нибудь украсть прямо во время пожеланий счастья, благополучия и крепкого здоровья.

Запомнились бабе Мане все зимние праздники в каждый год на протяжении всей её нелегкой и долгой жизни.

Запомнились и в этом году. С радостью встречала она колядников, выслушивала поздравления, благодарила за внимание. Давала, что приготовила, а приготовила – что могла.

Последними пришли двое незнакомых подростков. Колядовали, как положено. Дала им по три лея. И не обратила внимания на то, что, когда уходили – как-то странно они за-

смеялись. Совсем не по-праздничному.

Собралась закрывать калитку – а замок и связка ключей исчезли.

Пропали все ключи: от дома, от сарая, погреба, от всех замков, все до одного.

Это значит: надо менять замки, покупать новые, нанять мастера, а на это уйдет не меньше, чем ещё одна пенсия.

Хотела баба Маня проклясть воров самыми страшными проклятиями за то, что испоганили ей такой дорогой и долгожданный праздник, да не смогла.

Села, бессильно опустив натруженные руки, и заплакала в голос.

БУНГУ-ВУНГУ

Аргумент (Вместо эпиграфа)

– Неужели даже теперь, когда ты узнал, что Вселенная состоит из более, чем 350 000 000 000 000 000 000 000 звёзд и ещё большего количества планет, ты ещё продолжаешь сомневаться в том, что человеческая глупость – не знает границ?

Готов поспорить на что угодно, что вы не верите в чудеса! Правильно. Я тоже не верю. Вернее – не верил. Пока не получил письмо.

Копаясь в огороде. Приходит поштарка:

– Виктор Дмитриевич, Вам письмо из Африки.

А у самой глаза от любопытства позеленели.

– А, из Африки, ну, давайте, – говорю я, как ни в чем не бывало, как будто получаю из Африки сотни писем и почтовых переводов. – Посмотрим, что мне пишут из Африки...

Вскрываю, читаю:

«Уважаемый Виктор Дмитриевич! Обращается к Вам постоянный Поверенный в Делах Вождя Племена Бунгу-Вунгу Чрезвычайный и Полномочный Представи-

тель Вождя в Странах Европы, Азии и Северной Америки ОМБУН. Ваш адрес нам известен из Интернета.

Его Величество Вождь Племени Бунгу-Вунгу и Я лично рады приветствовать и поздравить Вас, Виктор Дмитриевич, с началом Третьего Тысячелетия и пожелать успехов в Вашей деятельности в Вашем огороде на благо Всего Мирового Сообщества. Его величеству Вождю Племени Бунгу-Вунгу из источников, заслуживающих доверия, стало известно о том, что Институт межэтнических исследований, где Вы значитесь научным сотрудником, уже около двух лет не выплачивает Вам заработной платы и пользуется Вашими информацией «на халяву». Нам известно также, что Союз журналистов Республики Молдова, Лауреатом Премии которого Вы являетесь, намерен исключить Вас из своих рядов за неуплату в течение длительного времени членских взносов ввиду Вашей крайней бедности. Тем не менее, Его Величество Вождь Племени Бунгу-Вунгу, ознакомившись с некоторыми Вашими произведениями, посчитал нужным на всякий случай поздравить Вас с Началом Третьего Тысячелетия и пожелать Вам успехов в вашем огороде, где Вы выращиваете лук, чеснок, клубнику и черную редьку, особенно – черную редьку, что нам, африканцам, очень импонирует.

Одновременно с вышеизложенным Его Величество Вождь Племени Бунгу-Вунгу уполномочил Меня просить

Вашего согласия на то, чтобы назвать Вашим именем источник минеральной воды в столице Нашего Племени – Бунгунге. В случае Вашего согласия, Источник получит Ваше имя, при этом будут соблюдены все предусмотренные нашими ритуалами действия, а Ваше Имя будет навечно включено в списки Почетных Вождей Племени Бунгу-Вунгу.

С уважением:

Постоянный Поверенный в Делах Вождя Племени Бунгу-Вунгу (ППДВПБВ) Подпись неразборчива (ОМ-БУН)

Ну и дела! Кем я только ни был, но Почетным Вождем Племени Бунгу-Вунгу?! А почему бы и нет? Вы как поступили бы на моем месте? Ну вот, я тоже так поступил. Но если бы я знал, что будет дальше!

Я написал письмо-согласие: мол, так и так, я, такой-то, согласен, чтобы моим именем был назван Источник минеральной воды в столице племени Бунгу-Вунгу, ибо я спокойно себе выращиваю в огороде черную редьку, не получая ниоткуда заработной платы.

Но послушайте, что произошло дальше.

Опять приходит поштарка.

– Виктор Дмитриевич! Вам из Африки письмо и пакет!

Вот оно, письмо:

« Его Величество Вождь Племени Бунгу-Вунгу и Я

лично очень рады Вашему согласию назвать Вашим именем источник минеральной воды в Нашей столице.

Настоящим подтверждаем, что при этом будут соблюдены все предусмотренные нашими ритуалами действия и Ваше Имя будет навечно включено в списки Почетных Вождей племени Бунгу-Вунгу.

С уважением:

Постоянный Поверенный в Делах Вождя Племени Бунгу-Вунгу (ППДВПБВ) Подпись неразборчива (ОМ-БУН)».

Вскрываю пакет, а в нем – два огромных бриллианта и сопроводиловка:

«Будущему Почетному Вождю Племени Бунгу-Вунгу Виктору Панько от благодарных жителей племени».

Хоп! Вот тебе и на ! Пошла завязка! Ни хрена себе! Дело пахнет керосином! Еще не хватало, чтобы мною занимался Интерпол! А как бы вы поступили на моем месте? Может быть, вы – иначе, а я написал ответ:

«Польщен Вашими предложениями. Во избежание недоразумений немедленно возвращаю высланные в мой адрес два (два) бриллианта и предлагаю использовать их для воспитания детей племени Бунгу-Вунгу. Сообщите подробности ритуальных действий.

Подпись: Будущий Почетный Вождь Племени Бунгу-Вунгу Виктор Панько».

И вот опять приходит поштарка:

– Виктор Дмитриевич, Вам письмо из Африки. Толстое.

– Ну, что там такое? Давайте, распишусь.

И вот тут-то мои глаза и раскрылись, то есть вытаращились! Оказывается, племя Бунгу-Вунгу, чьим Почетным Вождем мне предлагалось стать в скором будущем, – это племя недавних каннибалов – пожирателей людей, решившее, видите ли, в связи с вступлением в Третье Тысячелетие, встать на цивилизованный путь и отказаться от своего людоедского обычая. Естественно, от старых привычек не так-то просто отказаться. Поэтому у них теперь – переходный период. Что касается ритуальных действий, то они таковы. Будущий Почетный Вождь Племени Бунгу-Вунгу, давший согласие на то, чтобы его именем был назван источник минеральной воды, окружается всяческим почетом и уважением. Во время инаугурации, в момент присвоения имени, племя носит его на руках. Затем ставит его на ноги возле источника. Потом все приносят золотые украшения, бриллианты, жемчуга, кораллы, янтарь и другие драгоценности и засыпают его ими, желательно – выше колен. Потом навечно заносят его имя в списки Почетных Вождей племени. Прекрасно!

Но дело-то в том, что Вечность, по понятиям племени Бунгу-Вунгу длится... 11 лет, 11 месяцев, 11 дней, 11 часов, 11 минут и 11 секунд. Дальше одиннадцати они считать не умеют. Поэтому после одиннадцати у них тут же наступает другая вечность. В связи с этим блюдетсЯ следующее ритуальное действие, которое называется «Высшая степень

признательности». Почетный Вождь племени Бунгу-Вунгу в ходе этой Высшей степени признательности должен быть оплеван всеми жителями племени, в результате чего жизненная сила членов племени посредством слюны якобы передается Почетному Вождю, а жизненная сила Почетного Вождя передается членам племени. Потом с Почетного Вождя, напичканного наркотиками, торжественно снимается скальп для передачи в местный архив, а тело зажаривается на костре и съедается под довольное мурлыканье соплеменников Бунгу-Вунгу. Это – единственный каннибальский рудимент, оставшийся в обычаях этого племени. Вообще-то они от людоедства, в связи с переходом в Третье тысячелетие, полностью отказались. Ну, тут просто маленький пережиток переходного периода.

Да, но можете себе представить, что мне было суждено испытать, прочитав эту информацию! Быть съеденным – это ещё – куда ни шло, все равно умирать когда-то нужно. Но быть оплеванным при жизни!? А потом еще – и съеденным после смерти!!!

Ну, будь вы на моем месте – что бы вы сделали? Так вот и я так – немедленно отправил телеграмму:

«Африка. Бунгу-Вунгу. Категорически против названия моим именем источника Бунунге зпт присвоения мне Почетного Вождя вскл Виктор Панько».

Жду ответа, сам не свой. Правда, Постоянный Поверенный в Делах Вождя оказался на высоте. Понял мое душев-

ное состояние. Буквально на следующий день получаю телеграмму: «*Все поняли. Подробности – письмом*».

Жду письма. Приходит поштарка:

– Вам письмо.

– Давай быстрее!

Читаю:

«Здравствуйте, уважаемый Виктор Дмитриевич! Его Величество Вождь Племена Бунгу-Вунгу и Я весьма озабочены Вашей тревогой. Спешим Вас успокоить, и приводим для этого доступные Нам доводы и соображения.

Во-первых, Вы сами дали согласие на название источника Вашим именем. Согласитесь, что в вашем «цивилизованном» обществе никто никогда не спрашивает разрешения на подобные штуки. Приведем Вам яркий и убедительный пример из Вашей же окружающей жизни. Рядом с Вашим селом Дану расположено село Душмань. Как оно называлось раньше? Да, сначала – «Душмань». А потом как? Правильно, – «Ворошилово». Вы уверены, что Климент Ефремович Ворошилов или его наследники давали согласие на переименование этого небольшого молдавского села и на то, чтобы его называли именем этого славного полководца? Правда – Вы не уверены? Тем более, что Климент Ефремович никогда даже ногой не ступал в окрестности этого села. Почему же Вы считаете, Виктор Дмитриевич, что нам обязательно нужно

Ваше согласие на именование источника в Бунунге Вашим именем? Мы по вашим «цивилизованным» меркам вполне можем обойтись без него!

Во-вторых, продолжим анализ того же примера с селом Душмань. Прошло какое-то время, и село Ворошилово стало называться как? «Октябрьское»? Да, Октябрьское. А если оно стало называться так, то разве память Климента Ефремовича Ворошилова, ни за что ни про что убранная из информационного поля жителей этого села, не была «оплевана», причем не в нашем, дикарском, а в вашем, «цивилизованном», смысле? И разве кто-нибудь в связи с переименованием извинился перед Климентом Ефремовичем или перед его наследниками? Поэтому и нам не нужно будет извиняться.

В-третьих, Вы должны по достоинству оценить тот факт, что наше племя Бунгу-Вунгу испросило Вашего, Виктор Дмитриевич, согласия на именование источника Вашим именем. Испросило, правильно? Правильно. И Вы это согласие нам дали. Правильно? Правильно! И процесс пошел. Мы Вам гарантируем, что Вы, Виктор Дмитриевич, будете жить в нашей памяти Вечность, то есть 11 лет, 11 месяцев, 11 дней, 11 часов, 11 минут и 11 секунд. Кто Вам может гарантировать это в «цивилизованном» обществе, то есть что Вы не будете оплеваны и съедены досрочно? Никто!

Поэтому Вы не имеете никаких оснований на нас оби-

жаться и иметь каких-либо претензий и по-прежнему остаётся для нас Будущим Почетным Вождем Племени Бунгу-Вунгу.

С уважением:

Постоянный Поверенный в Делах Вождя Племени Бунгу-Вунгу (ППДВПВ) Подпись неразборчива (ОМ-БУН)».

Ага! Я у вас пока Будущий Почетный Вождь! Ладно! Немедленно мне сотовый телефон! Для переговоров.

Телеграмма:

«Африка тчк Бунгу тире Вунгу тчк Вождю две точки Срочно пришлите Молдову Панько сотовый телефон переговоров тчк Почетный Вождь Панько».

Прислали!

– Алло! Омбун? Это Вы? Здравствуйте! Это Панько Виктор. Почетный Вождь. Будущий, разумеется. Что вы там выдумываете? Вы хотите меня оплевать и съесть?! И вы говорите о цивилизованности и Третьем Тысячелетии! Каннибалы!

– Виктор Дмитриевич, успокойтесь! Не волнуйтесь и не расстраивайте свое драгоценное здоровье, которое для нашего племени Бунгу-Вунгу представляет огромную ценность! Что Вас так беспокоит? Ничего нет вечного под Луной, и это естественно. Вы поймите, что мы оплюём Вас в нашем смысле, а не в вашем. Это будет знак Высшего признания Заслуг, а не как у вас – знак презрения и негодования.

– Я не хочу быть оплеванным!

– А кто хотел? Посмотрите, какие крупные фигуры, и то были... Вы что, сравниваете себя с ними?

– Нет, я не сравниваю. Я работаю в овощеводческой бригаде. Я имею норму свеклы! Меня скоро выгонят из Союза журналистов! Я не пройду по конкурсу в Академию наук! Я – никто! Но я не хочу быть оплеванным! Да еще в Африке! При такой жаре!

– Что Вы заикнулись на конечном ритуале? Перенесите свое внимание на начальный ритуал. Приезжайте, мы Вас осыпем бриллиантами, жемчугом, янтарем, золотом и сапфирами!

– На хрена мне сапфиры?! Мне дорого мое имя! Имя мое оставьте в покое! Если я – Будущий Почетный Вождь, то вы должны со мной считаться! Должны... мать!

– Виктор Дмитриевич, нужна консультация с Его Величеством.

–Пожалуйста! Конец связи.

Бр-р-р-р-р. Сотовый.

– Это Почетный Вождь Панько?

– Будущий Почетный Вождь. Слушаю.

– Омбун. Получена консультация Его Величества Вождя. Его Величеству совсем непонятно Ваше упрямство. Сколько выдающихся личностей было оплевано и до, и после смерти – и ничего. А Вы упираетесь ... Но, коль уже процесс пошел, то Его Величество, не зная, как быть, предлагает Вам

быть Почетным Вождем Племени Бунгу-Вунгу без оплёвывания Вас... две Вечности. Хотя, правду сказать, мы совсем не представляем себе, что значит «две Вечности»...

– Две вечности? Это двадцать два года, двадцать два месяца, двадцать два дня, двадцать два часа, двадцать две минуты и двадцать две секунды! Ха-ха-ха! Две вечности? Неоплеванным? Не пойдет! Если вы меня оплюете, мои наследники подадут на вас в суд в Страсбурге и Брюсселе, а также в Гааге! Вы оплатите мне своими бриллиантами моральный ущерб – не мне, конечно, если я буду съеден, – моим наследникам...

– Страсбург и Брюссель нам не указ. Мы только-только пробиваемся в цивилизацию. Но, заметьте, мы не оплевываем и не сжираем без предупреждения, как вы... .

– При чем тут я? Я работаю в овощеводческой бригаде и не имею к этому никакого отношения. Я всего лишь Будущий Почетный Вождь Племени Бунгу-Вунгу, которого вы должны оплевать и съесть, но я этого не хочу! Понятно?

– Шесть Вечностей! Шестьдесят шесть лет! До такого возраста никто из жителей нашего племени не доживал! Вам что, этого мало?

– Ха-ха-ха! Шесть вечностей без плевка! Мне уже теперь пятьдесят семь, и я ни разу не был оплеван друзьями, а врагами – разве что чуть обрызган! Вы – дикари, хоть я и ваш Будущий Почетный Вождь! Вы не знаете, что такое –ВЕЧНОСТЬ! Сколько лет не был оплеван Пифагор? Он был убит

завистниками, но не был оплеван! Две с половиной тысячи лет! Бунгу-Вунгу! Омбун! Передайте Его Величеству Вождю, пусть посчитает, сколько вечностей составляют две с половиной тысячи лет, и тогда поймете, сколько я не хочу быть оплеванным!

– Хорошо, Ваше Ве... Будущий Почетный Вождь! Нужна консультация. Конец связи.

Бр-р-р-р-р...

– Да. Слушаю...

– Ваше Ве... Виктор Дмитриевич, это Омбун. Его Величество Вождь посчитал, сколько вечностей составляют две с половиной тысячи лет, ужаснулся, и не может прийти в себя! Неужели столько вечностей Вы не хотите быть оплеванным? Его Величество сказал, что если это действительно так, а Вы столь тверды в намерениях, то лучше Он передаст Вам бразды правления, и пусть тогда управляете племенем Бунгу-Вунгу Вы, а не он...

– Какие бразды? Вы что с ума там, в Африке, от жары посходили? Я ничем вам не обязан! Я вам вернул бриллианты! Я вам оплачу почтовые расходы, если мне когда-нибудь выплатит зарплату Академия наук или я заработаю на табачных плантациях в моем родном селе Дану! Что вы ко мне пристали?!...

А настроение у него какое? Подавленное?

– Да нет, даже какое-то просветленное...

– Слушайте, Омбун, я теперь, в нынешнем статусе, пред-

ставляю там у вас, какой-нибудь вес по вашим канонам?

– О, конечно, Ваше Ве... Виктор Дмитриевич, Вы – Будущий Почетный Вождь Племена Бунгу-Вунгу – Второе Лицо после нынешнего его величества вождя.

– А мое слово имеет какую-нибудь силу?

– О да, конечно, а как же!

– Тогда передайте его величеству вождю, что я советовал бы ему отменить ритуал оплевывания Почетных Вождей, в том числе и меня. В течение ближайших двух тысяч лет...

– Понял Вас. Нужна консультация. Конец связи.

– Уф! Слава Богу!...

Вот такая получилась история с племенем Бунгу-Вунгу.

Писем из Африки я уже не получаю, а сотовый телефон кот Васька хвостом с подоконника сбросил, и он испортился.

Никто меня не беспокоит.

Видно, Его Величество и старейшины племена Бунгу-Вунгу обсуждают, нужно ли оплевывать почетных вождей или не стоит.

2001, Первый год Третьего Тысячелетия Нашей Эры.

Село Дану.

ФИЛОЗОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ДАЛЕКОМУ ДРУГУ

Письмо первое О ПОЛЬЗЕ ФИЛОСОФИИ

Дорогой друг!

В первых строках моего письма спешу сообщить тебе, что я, как говорится, жив, здоров, чего и тебе желаю. Как много времени прошло со дня нашей последней встречи, как много воды утекло, как сильно изменилось все вокруг! Ты помнишь, в дни нашей молодости мы пытались, как можно глубже проникнуть в суть вещей, в закономерности окружающего мира, все для нас было интересным и неизученным...

Так и полагается юношам и мужчинам. Ведь именно они пробивают дорогу пытливой общечеловеческой мысли, выстраивая тоннель в твердокаменной породе общечеловеческой глупости. Мужчин гложет любопытство и любознательность, пусть это – одно и то же, и ради их удовлетворения они нередко способны идти на большие жертвы. И это, поверь мне, – достойное занятие! Ведь ум мудреца подобен раскаленному на костре острию бритвы, рассекающему напополам человеческую глупость как кусок искусственного сли-

вочного масла по названию «маргарин» или «Коровка».

Как ты и сам не раз имел возможность убедиться, поле деятельности в этом направлении не ограничено, потому что человеческая глупость не знает предела, на что обратил внимание еще Эразм Роттердамский,* а также многие другие величины, в частности известный тебе Джонатан Свифт.** По объему континуум человеческой глупости может сравниться разве лишь с человеческой жадностью, которая даже более, на мой взгляд, безгранична, чем даже глупость. Поэтому настоящим мужчинам есть где применить свою любознательность. Некоторые из них напоминают первых мотыльков, стремящихся со всей силы своего полета к свету и теплу раскаленной электрической лампочки и погибающих от столкновения с предметом своих вожделений, от удара об него.

Следующие за ними, за этими погибшими, мотыльки и мошки, наученные опытом первых, ведут себя значительно более благоразумно. Они летают вокруг лампочки по допустимому периметру и пользуются всеми благами тепла и света, радуясь жизни...

Но, друг мой, разве не безумству храбрых поем мы песню, как некогда провозгласил Максим Горький, при упоминании которого очень многие лица принимают кислое выражение?*** По-видимому, эти лица считают, что и для храбрых такого рода найдется местечко в психбольнице, несмотря на обилие других страждущих и нехватку в этих учре-

ждениях так называемых «коек». Поверь мне, я не принадлежу к этой славной плеяде прометеев и гераклов****, но, тем не менее, я восхищаюсь этими первыми мотыльками и мошками. Они – достойны песен больше, чем медведи, которые крутят земную ось*****, хотя этот труд довольно-таки утомителен. Именно мотыльки ценою своей жизни, здоровья, счастья и благополучия дают всей популяции крупицы опыта, пригодного для использования его ею на необозримый период времени впереди, именно они и заслуживают того, о чем говорит батюшка глубоким басом: «Вечная память... вечная память... вечная память...».

Кукиш-макиш! Как будто батюшка никогда не слышал о переименованиях улиц и о племени Бунгу-Вунгу!

Вообще-то сам факт наличия в человеческом обществе такого явления, как переименование улиц и городов, на меня в философическом***** плане производит гнетущее впечатление. Я понимаю: есть законы борьбы противоположностей, перехода какого-то количества в какое-то качество, понимаю, что, если ты не в состоянии улицу заасфальтировать, то ее легче переименовать в течение одной ночи, чем пахать десятилетиями. В том и в другом случаях след в истории будет оставлен. Ну, а дальше что? Ждать следующего переименования? Согласись со мной, тут что-то не совсем то. У юншества отбивается всякая охота к самостоятельной активной творческой деятельности. Я даже сам было подумывал: вот сделаю несколько открытий в философической теории глу-

пости, и моим именем назовут тупик, в котором я родился, рос и умер. А потом думаю: на хрена? Все равно этот тупик при нынешнем положении вещей назовут потом именем какого-нибудь переименователя. Пусть лучше тогда законы глупости останутся неоткрытыми!

Ладно, я, допустим, соглашусь с тем, что исчезла улица Крупской Надежды и появилась улица Микле Вероники. У Вероники, говорят, были более привлекательные черты лица, прищур глаз и разрез губ, и вообще – она была красавицей. Смущает меня лишь то, что ни та, ни другая не ступали ножками по улицам, названным в их честь. Я еще могу понять, когда улицу имени одного поэта называют (переименовая) именем другого поэта, хотя, по свидетельству историков литературы в период их жизни и творчества они с глубоким уважением относились друг к другу и ощущали взаимное влияние. Чего не бывает! Может быть, они на том свете поссорились, и это стало известно определенному кругу лиц... Да, но зачем же переименовывать проспект Мира!!! Значит ли это, что я должен этим самым быть морально и психологически готовым к восприятию на этом проспекте танковых колонн, стройных рядов морской пехоты и пахнущих солдатской кашей полевых кухонь?

«0, ум мой недалекий, плод недолгой науки», перефразирую я слова великого русского поэта Антиоха Кантемира. И добавлю: «Не умереть тебе от скуки...»

А ты говоришь «Вечная память»... Конечно, возможно,

были допущены какие-то ошибки при первоначальном наименовании какого-нибудь тупика или проспекта. Но для решения этой проблемы есть выходы. Во-первых, не называть улицу именем той особы, которая ни разу не ступала по этой улице. Во-вторых, для того, чтобы назвать какую-то улицу, тот, кто ее называет, должен сначала ее построить, а не пользоваться чужими трудами. В-третьих, имя улице должно присваиваться с согласия девяти десятых ее жителей. В-четвертых, в стране не должно быть двух улиц с одинаковым названием. В-пятых, приоритет в названиях улиц должен принадлежать не именам собственным, а именам числительным: Первая Авеню, Двадцатая Авеню, Девяносто Шестая Авеню...

Представь себе, что администрация города, в котором все улицы пронумерованы, принимает решение: «Переименовать Восьмую Авеню в Сто Сорок Пятую, Сто Сорок Четвертую – в Двенадцатую, а Двенадцатую – в Восьмую» и т.д.

Сразу же возникнет вопрос: «С какой стати? Что за белиберда?». А чтобы этих вопросов не возникало – запретить называть какие-либо улицы именами политиков, ввиду быстротечности, по сравнению с вечностью, их политической жизни, а также именами чужеземных завоевателей.

Думаю, что в таких случаях неразбериха с этой проблемой вечной памяти быстро будет снята.

Вечная память!.. Это – самое страстное желание, за исключением разве лишь долларов и ЕВРО*****, какое

только можно придумать! Это – цель жизни для многих и многих из нас, кому не видеть ее достижения как своих собственных ушей без зеркала, видеофильмов и других запечатлевающих хитроумных приспособлений! Разве что лишь у кого чересчур длинные уши...

Для продления памяти о себе одни строят особняки, другие – копают колодцы, третьи – сажают деревья.... Четвертые же клепают детей. И – дай им Бог здоровья и счастья! Потому что они не присваивают себе чужой труд, как это делают пятые. Не воруют и не грабят, как шестые. Не мошенничают, как седьмые. Не насилуют и не убивают, как восьмые. Не обманывают и не лжесвидетельствуют, как девятые. Не обогащаются на взятках, как десятые и не предают своих единомышленников и друзей как одиннадцатые...

И вот, если ты вдумаясь, то согласишься со мной, что все они: и первые четыре категории, и все остальные, и не только эти, – страстно мечтают о вечной памяти. Разве это не удивительно?!

А еще удивительнее то, что, как я подметил, клеветники пуще смерти боятся быть оклеветанными, воры – быть обворованными, насильники – подвергнуться насилию и т.д.. Кажется бы, если ты когда-нибудь хоть что-нибудь украл (я не имею в виду тебя лично, знаю, что ты не такой, просто оборот речи), если ты украл, а потом тебя обчистили до ниточки, то ты должен бы радоваться успеху единомышленника. Так нет же! Тогда ты мгновенно вспоминаешь о принципах спра-

ведливости, правах человека и завоеваниях демократии. /Об этих завоеваниях мы поговорим с тобой попозже/.

Ты спрашиваешь, почему я тебе не писал так долго. Дело в том, что я в последнее время довольно продолжительный период был советником по внутренне-внешним делам одного из мелких вождей известного тебе племен Бунгу-Вунгу, о котором я писал тебе ранее.

Обязанности мои были нехитрые: по утрам будить его тело, а туда, к вечеру, когда он уже потихоньку просыпался и приходил в себя – будить его мысль, в основном путем сравнений каких-то предметов, явлений, процессов и приведения их к всеобщему эквиваленту.

Эквиваленты у нас с ним (его зовут Омрэу*****) были разные. Я считал, что это – философические закономерности и открытия, он – что это – хрустящие бумажки долларов. До определенной поры это противоречие нам сильно не мешало. По утрам я будил его пинком сапога, а по вечерам мы мирно беседовали у костра, на котором туземцы поджаривали какого-нибудь оплеванного ими бывшего Почетного Вождя, именем которого не так давно была названа какая-нибудь улица. Я тебе писал, что Бунгу-Вунгу – это племя, ведущее свое начало от каннибалов,

Неприятности, как ты знаешь, всегда приходят неожиданно. И их виной, оказалось, был ни кто иной, как я сам. Будил, будил его мысль и добудился!

Кто бы мог подумать, что этот идиот, этот тупица с ум-

ственными способностями осла, увидев оставленное на столе письмо Фрасибула Периандру*****, написанное в четвертом веке до новой эры, ни с того, ни с сего начнет его читать!

Ну, ты помнишь это письмо? Если забыл, я тебе процитирую его полностью:

Фрасибул – Периандру. **«Посланцу твоему я не дал никакого ответа, но повел его на ниву и стал при нём сбивать посохом и губить не в меру выросшие колося, и если ты его спросишь, он ответит, что слышал и что видел. Ты же делай, как я, если хочешь упрочить свою распорядительскую власть: всех выдающихся граждан губи, кажутся ли они тебе враждебными или нет, ибо распорядителю власти даже и друг подозрителен».**

Так вот, прочитав это письмо, этот дурак, осел и тупица, я не могу его иначе назвать, вообразил, что это было не письмо Фрасибула Периандру, а – письмо Иосифа Сталина (Джугашвили) Адольфу Гитлеру (Шикльгруберу)***** от 9 мая 1945 года!

То есть ошибка в хронологии у этого дебила составила более 2300 лет! И это – при том, что этот олигофрен умеет считать лишь до 20 и едва освоил в этих пределах таблицу умножения!

Но ты же знаешь мою преданность науке и мою бескорыстную любовь к истине! Конечно же, я немедленно вос-

противился и стал показывать этому придурку книги древнегреческих философов.

К сожалению, я не нашел известное тебе сочинение Диогена Лаэртского*****, в котором он приводит полный текст письма Фрасибула Периандру, и, естественно, я ничего не смог доказать.

В таком случае Глубокоуважаемый Шеф мой, Его Величество Вождь Омрэу пригрозил мне увольнением по служебному несоответствию и как не прошедшего курсы повышения квалификации в области философии.

Стремясь не накалять обстановку, я выразил мнение, что, возможно, Его Величество Вождь и прав. По всей вероятности, может быть, что упомянутые некие Сталин и Гитлер жили раньше, чем Фрасибул и Периандр. Можно, также предположить, и даже в дальнейшем подтвердить это историческими фактами из архивов спецслужб, что это происходило в пятом веке до нашей эры, а 9 мая 1945 года исчисляется не по нашему, а по цайтинскому (*от немецкого слова «Цайт» – «Время»*. **В.П.**) календарю.

Я сказал об этом так убежденно, что и сам в это тут же и поверил.

Периандр... Гитлер... Хрен их разберет. Главное – идея ведь та же самая. А значит – эквивалент не нарушен.

Его Величество Вождь, увидев, что я, подобно многим нашим академикам, способен отойти от ничего не дающего догматизма и ничего не стоящей свободы крити-

ки***** ко вполне естественному и разумному компромиссу и консенсусу, ласково улыбнулся, похлопал меня по плечу. Но все-таки меня от должности советника отстранил и отправил на курсы философов. Мой адрес теперь такой:

Повышение квалификации. Бунунга, 8-я улица, 2-ой дом от угла, Бунгу-Вунгу, Африка. Панько Виктору Дмитриевичу.

И вот у меня появилась возможности осмыслить окружающую жизнь, а заодно и написать тебе несколько философических писем. Ведь правильно сказал, кажется, Антисфен: «Философией надо заниматься до тех пор, пока ты не поймешь, что между вождем войск и погонщиком ослов нет никакой разницы».

Добавлю сюда недавно пришедший мне в голову афоризм: «Разница между мудрецом и идиотом заключается в способности отличить правду ото лжи». С недавнего времени я сочиняю афоризмы. Некоторые из них даже были опубликованы в районной газете!

Вот так-то, мой далекий друг.

Не знаю, сколь полезными для тебя будут мои эти письма, но прошу их сохранить. Может быть, они когда-нибудь понадобятся.

Ну, будь здоров!

С уважением,
любящий тебя

Виктор Панько

10.11.2007

ПРИМЕЧАНИЯ

* Имеется в виду книга Эразма Роттердамского «Похвала глупости».

** Джонатан Свифт, автор «Путешествий Гулливера», по моему мнению – величайший сатирик планеты. Особенно мне нравится «Путешествие в страну Нгуингмов», где взрослый и вдумчивый читатель может найти много интересных размышлений о человеческой природе.

*** Произведения этого великого писателя девятнадцатого и двадцатого веков почему-то не пользуются популярностью в современном «демократическом» обществе постсоветского пространства. Не потому ли, что он написал когда-то «Город желтого дьявола» и прославил смелость Буревестника?

**** Именно Прометей, добывший человечеству огонь, и Геракл, совершивший множество подвигов, (а среди них особенно достоин восхищения труд по очищению конюшен от навоза, чем заняты сегодня миллионы бедных несчастных низкооплачиваемых крестьян) были среди первых, достой-

ных уважения и почитания, героев всех времен.

***** Была такая песня: «... трутся об ось медведи, вертится Земля. Ла-ла-ла-ла-ла-ла, вертится Земля...».

***** Слово «философический» использовалось в русской литературе и раньше, кажется у Чаадаева. К тому же по-молдавски (румынски) выражение «Философские письма» звучало бы «Скрисорь философиче» («Scrisori filozofice»).

***** Это такие денежные единицы.

***** Ом – по-молдавски (румынски) – человек, рэу – плохой. Поэтому в Бунгу-Вунгу это имя понятно всем.

***** Фрасибул и Периандр – древние цари.

***** Сталин и Гитлер – «древние» полководцы.

***** Имеется в виду книга Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

***** Была когда-то такая философская работа, о догматизме и свободе критики, но она давно забыта.

Письмо второе

БУНГУ-ВУНГУ

И КОНЕЦ ВСЕМИРНОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Рад приветствовать тебя, дорогой друг, и пожелать тебе здоровья и благополучия. как я сообщил в прошлом письме, теперь я нахожусь в столице Бунгу – Вунгу Бунунге на курсах повышения квалификации философов, где мне при-

шлось узнать много нового и интересного.

Вообще-то философия в этой стране находится не на слишком высоком уровне, по моим понятиям. Но, если так будет продолжаться ее развитие дальше, то опасаясь, что она превзойдет не только классическую немецкую, но и всю мировую философию. Которой, вероятно, будет грозить конец, подобный тому концу, что произошел с немецкой философией в связи с появлением Людвиг Фейербаха.

Об этом можно много и долго рассказывать, а у меня, к сожалению, не хватает времени. Да еще к тому же может окончиться паста в ручке, а это, в свою очередь, может привести к тому, что я могу потерять мысль, а потом не смогу ее вспомнить, подобно тому, как это произошло со многими «диаматериалистами».

Ведь помнишь, означенные диалектические материалисты преподавали эту дисциплину в вузах и академиях, а потом в течение одной ночи потеряли память и проснулись неопозитивистами и постпозитивистами. А ведь им даже для сдачи кандидатского минимума по философии в аспирантуру приходилось зазубривать 120 первоисточников упомянутого материализма. Я уже не говорю о философской подкованности при защите кандидатских и докторских диссертаций, а особенно – когда речь шла о конкурсах членов-корреспондентов и действительных членов!

Какое счастье, что я вовремя остановился и не продолжил

официальное изучение всего того, что меня всю жизнь интересовало! Кто знает, чем бы закончилась для меня эта Варфоломеевская ночь? Вряд ли бы я сумел вовремя сориентироваться и переметнуться с раскрытыми объятиями в стан своих вчерашних противников, как это сделал наш уважаемый предводитель философии, заслуживший восторг публики, выразившийся в восхищенных скандированиях: «Пу-чин-ки.... Пу-чин-ки...».

Последовать же бессмертному примеру Джордано Бруно помешало бы мне свойственное каждому философу чувство сомнения в истинности своей правоты, незамедлительно возникающее в критических ситуациях.

И вот тогда мне пришлось бы придерживаться давно устаревшего дуализма декартового типа. Только я до сих пор не пойму, почему дуализм, как течение в философской мысли, смог так рано устареть. Ведь принцип «И нашим – и вашим» мы продолжаем испытывать на своей шкуре и сегодня. Я не имею в виду тут двойное гражданство, обычно предусматривающее гавканье на свою собственную страну. Ведь в этом случае рано или поздно можно обнаружить непосредственную выгоду для гавкающего индивидуума. Я имею в виду мыслительный дискомфорт, неизбежно возникающий у философа, подобно тому, как он наступает у осла, не могущего выбрать, к какой куче сена из двух равноудаленных, ему подойти. Осел в таком случае не только не будет испытывать удовлетворения от мыслительной деятельности, сиречь фи-

лософии, но и может свободно подохнуть с голоду.

Но мы же с тобой, мой далекий друг, не ослы, правда?

Хотя, как посмотреть...

Не думай, что кризис философической мысли коснулся только какой-либо отдельно взятой страны, наподобие нашей с тобой Родины. Это можно наблюдать и в Бунгу-Вунгу, в стране, которой я имею честь философствовать.

И вот, что тут происходит.

Всех философов в Бунгу-Вунгу можно условно поделить на три категории: философы-теоретики, политологи, философы-практики.

Философы-теоретики – это самая высокоинтеллектуальная группа. Вообще-то она должна заниматься изучением всех главных вопросов философии, как, например, переход количественных изменений в качественные или отрицание отрицания, но, как правило, эта верхушка, это острие ума духовной элиты Бунгу-Вунгу сконцентрировано на известном тебе основном вопросе: что первично: мысль о долларе или сам доллар? Остальные вопросы они оставляют для размышлений политологам и практическим философам.

Как ты правильно догадываешься, сумбур в голове этой интеллектуальной элиты, недостаточно высокий уровень образования философов-теоретиков, купивших в ряде случаев свои дипломы, а главное – искреннее нежелание заниматься вопросами взаимоотношений материи и сознания, то есть истинным основным вопросом философии, то есть тем во-

просом, который никому никогда не удалось и не удастся решить – все это неизбежно приводит у них к примитивизму и подмене одних вопросов другими. Этим и объясняется тот факт, что весь азарт своего аналитико-синтетического ума они направляют на то, чтобы выяснить, что первично: сам доллар или мысль о нем? И я скажу тебе, что во многих случаях эти размышления весьма результативны. Об этом свидетельствуют шикарные особняки и комфортабельные автомобили, нарядные жены и любовницы, добытые личным трудом и соленым потом философов-теоретиков.

Что касается политологов, особо модных в последнее время (В Бунгу-Вунгу каждый второй туземец является политологом), а также примыкающих к этой касте лидеров свежеспеченных партий, то их задача в Бунгу-Вунгу заключается в анализе ситуации, разработке прогнозов и выработке рекомендаций. Как правило, анализ, ввиду занятости политологов решением личных проблем, всегда бывает поверхностным и некачественным, прогноз оказывается верным один из тысячи, а рекомендации ведут только к хаосу и неразберихе. И все это происходит, заметь, из-за слабой общефилософической подготовки и лени мысли.

Вот тебе тому пример.

Ни философы-теоретики, ни политологи Бунгу-Вунгу, анализируя и прогнозируя развитие мирового сообщества, не смогли предвидеть распад такого крупного государства, как СССР. А ведь достаточно было прочесть любой учеб-

ник для начинающего студента-философа, а таких учебников в мире, наверное, миллионы, где написано: «Что имеет начало, то имеет и конец». Что тут непонятного? Даже и малейшего напряжения мысли не нужно было. Так нет же! Никто на эту мысль не обратил никакого внимания, все старательно пропускали мимо своих ушей, Сам знаешь, чем это кончилось. Вот, к чему приводит вечная занятость делами, не имеющими никакого отношения к службе! Где уж тут говорить о рекомендациях!

Сделай вывод.

О том, какая заварушка произошла в Бунгу-Вунгу в связи с некачественными прогнозами между философами и гражданским обществом опишу тебе чуть позже.

Что касается лидеров и активистов различного рода партийных формирований, то их главная задача – забота о благе народа. Об этом они все оглушительно кричат в мегафоны, особенно – в период предвыборных кампаний. Поскольку в Бунгу-Вунгу выборы происходят довольно часто, то или этот крик, или эхо от него раздаются почти непрерывно. Во время предвыборных кампаний в местах скопления населения появляется великое множество людей без определенных занятий**. Они чрезвычайно активны, вездесущи, въедливы и, если так можно выразиться, «влезливы».

В то время, когда крестьянин, прикрепив свой мобильный телефон (это свидетельство невиданного размаха технического прогресса) к древку доисторической мотыги по

названию «сапа», энергично обрабатывает свекловичную плантацию, чтобы создать философам, политологам и всему гражданскому обществу сладкую жизнь, десятки агитаторов, установив на краю этой плантации мегафон, радиоприемник, телевизор и с дюжину газет, призывают его отдать им свой голос. И это естественно, потому что крестьянину, после некоторых преобразований с вкладами-сбережениями от выращенных им бычков, кроме голоса отдать уже нечего. Да и сам он охрип и с нетерпением ожидает перевода некоторой суммы ЕВРО из-за границы от своих жены и дочери, которые отдали там свои голоса неизвестно кому, как и на каких условиях...

Раньше в Бунгу-Вунгу была лишь одна партия, которую называли «Ум, честь и совесть». Теперь их здесь 12 партий. Получается – 12 умов, 12 – честей и 12 совестей. Произошло ли в связи с количественным изменением качественное – непонятно, так как всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием философов Бунгу-Вунгу философский закон перехода количественных изменений в качественные аннулирован уже более 10 лет назад, но об этом – позже...

Вот и приходится размышлять: «Конечно, 12 умов, может быть, и лучше, чем один, ведь не зря об этом говорит народная пословица. Правда, нужно учитывать, каков один, и какие -12. А как быть с 12-ю совестями? Стало ли больше совестливых и честных людей в 12 раз? Равна ли одна прошлая совесть одной нынешней, или они – разные? Может быть,

гармонии в человеческом обществе, над достижением которой трудятся испокон веков лучшие умы, можно достигнуть таким несложным способом – увеличением до бесконечности числа партий?»

Предлагаю тебе над этим поразмыслить... Ведь тогда обилие партий и партиек можно только приветствовать. А пока утешает только одно: все, что они делают, все, что они обещают, исключительно все-все-все направлено исключительно на благо народа и только на благо народа, иначе – какой смысл?

Правда, с окончанием предвыборной кампании, после распределения должностей и портфелей этот основополагающий принцип – благо народа – как-то незаметно отходит на задний план. Появляется повседневная текучка, разного рода большие и мелкие обязанности, так что... «Как-нибудь потом... в другой раз... вы не видите, я занят... я – очень занят, вы не видите? Вы бы тоже поступили так на моем месте...».

Так ему, бедолаге, трудно сконцентрироваться на этом благе народа, что хоть бери и уходи с этого мягкого кресла! Ах-ах-ах!

Но попробуйте предложить ему отдать это кресло кому-нибудь другому! Откуда вдруг взялись энергия, и ум, и сила, и мощь в голосе: «Меня избрал народ! Вы слышите? Мой голос – это его голос!».

Успокойтесь, слышим, слышим. Голос – приличный...

И так — до следующих выборов.

А потом — до следующих...

Это — по поводу политологов и партийных боссов. За очень короткий промежуток времени они поумнели и набрались сил. А ведь совсем недавно, когда я еще был советником у Его Величества Вождя Бунгу-Вунгу, почти все они писали вместо «политолог» — «полит-олух», а вместо «демократ» — «демокрад». Я их усердно долгое время переучивал. Может быть, не нужно было это делать?

Что же касается третьей группы — философов практических, то они, в основном, занимаются практическими делами: строят дачи, занимаются разными финансовыми операциями, ищут лазейки в законодательстве для извлечения собственной выгоды, а иногда сами эти лазейки и создают путем принятия посредством голосования глубоко продуманных законов жизни Вунгу-Вунгу. Для этого есть много способов, но я не берусь тебе их перечислять, так как я еще не окончил курсы повышения квалификации.

Вот, что я хотел тебе сообщить в своем непомерно кратком письме. Извини, что прерываю его. Пора идти на научно-практическую конференцию по теме: «Основной вопрос философии».

Желаю тебе счастья, здоровья и процветания.

Твой Виктор Панько

11.11.2007

ПРИМЕЧАНИЯ

* Ой! Заголовок этот слишком похож на название философского труда «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Но это так получилось нечаянно. Пардон и извините!

** В последнее время в народной речи все чаще стало применяться яркое слово «борзеть». Человек, который «борзеет», в народном понимании, это – нахал, наглец, не считающийся с общепринятыми нормами нравственности и морали. Но редко кому приходит в голову мысль о том, что это слово возникло от аббревиатуры «БОРЗ». Если гражданин БОМЖ – без определенного места жительства, то гражданин БОРЗ, оказывается, – без определенного рода занятий.

Но, по моему твердому убеждению, «борзеют» не только люди БОРЗ, но и едва ли не чаще – совсем противоположные граждане со всякого рода важными занятиями.

Письмо третье

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ

Здравствуй, мой далекий и самый близкий друг, товарищ и брат! Не называю тебя по-новому: «крыша», господин и

«брынза ку бань», а понятнее говоря – конкурент, просто потому, что привык к прежним определениям и еще не окончил полный курс повышения квалификации философов.

Даже не знаю, о чём тебе написать в первую очередь, так как много впечатлений и идей. Прошрое письмо я закончил тем, что я ушел на конференцию по основному вопросу философии, поэтому сначала напишу о конференции.

Председательствовал на ней директор курсов, молодящийся старикан, на вид которому можно дать лет 140-150, ты же знаешь, что в Бунгу-Вунгу определить возраст по внешности очень трудно. Его большой заслугой считается то, что он родился в один день с самим Карлом Марксом, ты представляешь? Некоторые утверждают даже, что это произошло в один и тот же год, но я в этом не уверен.

Почему именно он вел эту конференцию, остается мне непонятным, ведь судя по его трудам, типа: «Влияние на пищеварение дырки от бублика» или «Переливание из пустого в порожнее – новый метод супердедуктивного мышления», главным жизненным кредо этого выдающегося ученого, философа и человека было как раз всевозможное лавирование вокруг да около основного вопроса философии, с целью ни в коем случае не встречаться с необходимостью поставить его перед собой, а, тем более – попытаться ответить на него. По-видимому, это председательствование на конференции объясняется не только обычным авторитетом в научных кругах, но и каким-то постом, занимаемым им в ВКК (Высшей Ква-

лификационной Комиссии).

Итак, наш уважаемый коллега, встреченный бурными аплодисментами, долго, кстати, не утихавшими, объявил повестку дня конференции.

«БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ? ЗНАК ВОПРОСА».

Ничто не предвещало великих открытий и высокого полета философической мысли, потому что, если смотреть правде в глаза, то это был обычный тренинг или иначе сказать – семинарское занятие, или – ещё иначе – коллоквиум философов, вынужденных повысить свою квалификацию на соответствующих курсах.

Но все мы не учли одного. Едва объявив повестку, председательствующий тут же уснул на неопределенное время за своим председательским столом. А поскольку артикуляция у него была не слишком внятной, то зал воспринял второй звук в слове «Бытие» как «И», а этим и было предопределено направление дискуссии. Поскольку председательствующего нельзя было добудиться, чтобы переспросить повестку, все заранее подготовленные ответы, скаченные из Интернета, оказались бессмысленными и философы были поставлены перед необходимостью мыслить самостоятельно на не слишком хорошо изученную тему: бытие определяет сознание или не определяет?

Как ты правильно догадываешься, это обсуждение рано или поздно должно было выйти на круг вопросов, касающихся

ся домашнего дебоширства и всемирных боевых действий с применением танков, авиации, космических войск, кораблей, подводных лодок, морской пехоты, ядерного, химического и бактериологического оружия массового поражения. Ты видишь, к каким масштабам можно прийти, если оттолкнуться от незначительного факта применения насилия в воспитании в виде использования розог для поддержания авторитета старшего по отношению к беззащитному члену семьи, имеющему свое мнение.

Причем, заметь, если домашний дебошир обходится, в большинстве случаев, методами физического, сексуального и эмоционального насилия и причинения с целью запугивания материального ущерба в масштабах одной отдельно взятой семьи, то до чего вырастает это дебоширство в мировом масштабе? До атомных бомб и газовых камер.

И как это можно объяснить, если не учитывать, что во втором случае к элементам насилия примешиваются не просто элементы, а даже целые тяжеловесные блоки грабежа?

Вот, сравни, что делает домашний дебошир. Он свою жертву (одним действием или их комбинацией): 1) толкает, 2) сбивает с ног, 3) запирает дверь. 4) ударяет кулаком, 5) выкручивает руки, 6) таскает за волосы. 7) избивает чем-то, 8) применяет физическую силу для вступления в сексуальный контакт. 9) угрожает изменой, 10) портит какие-то предметы, 11) швыряет ими. 12) пинает ногами, 13) угрожает причинением материального ущерба и 14) так причиняет его.

15) кричит на окружающих, 16) бранится нецензурно, 17) угрожает и унижает взглядом. 18) запрещает выходить из дома, 19) не позволяет кушать в тишине, 20) угрожает бросить семью, оставить без денег. 21) закатывает сцены ревности, 22) угрожает применением физической силы, причинением телесных повреждений, убийством, а также самоубийством или причинением зла детям.

И чего ради, ты думаешь, весь этот арсенал давления применяет к своим близким домашний дебошир? Чтобы держать под контролем ситуацию и не допускать чьих-либо притязаний на лидерство! Что хорошего в этом, вероятно, не знает ни он сам, и никто другой.

Примерно то же самое, но в миллион раз хуже, положение дел в «Битии» мирового масштаба. Тысячи войн и вооруженных конфликтов, миллионы жизней, сотни тысяч разрушенных населенных пунктов, разбитые судьбы, инвалиды и калеки... и ради чего все это? «Битие» определяет сознание? Или сознание – определяет весь этот кордебалет? Вот, мой друг, Горацио*, вопрос!

Но удивительно не это. Удивительно другое. Сделай такой эксперимент. Дай одной тысяче человек самых разных по возрасту, полу, национальностям, вероисповеданиям и т.п. прочитать книгу Ремарка «На западном фронте без перемен». Затем раздай им, каждому в отдельности, бумажки с одним и тем же вопросом: «Хотели бы Вы лично завтра воевать с кем-либо?».

Как ты думаешь, что они ответят? Я думаю, что возможно, среди них найдется несколько желающих немедленно ринуться в бой за что-либо:

« Смело мы в бой пойдем **

За Абрамови...

...ча ***

И как один умрем

В борьбе за это...

...го пиндюка****.

Ча-ча-ча!».

Но основная масса даст тебе ответ отрицательный. Они явно не готовы к подвигам на поле битвы.

У меня есть немало знакомых музыкантов. Так я их спрашивал, есть ли у них такое желание. Заменить им скрипки, барабаны, тромбоны, саксофоны, аккордеоны и гитары на автоматы, пулеметы, пистолеты, танки и бронетранспортеры. Чтобы показать свое искусство в соревновании с музыкантами сопредельной страны на этих новых инструментах.

И вот результат опроса общественного мнения гражданского общества. Ты же знаешь, что у музыкантов всего мира есть свой особый музыкальный язык, такое неизученное аргю. Так они глянули друг на друга, собрались в кружок и сыграли мне такое:

«Ту-ти-ти-та-тэ-ти».

Мне неудобно переводить язык высокого искусства музыки на нецензурный язык низких слов, но это означает: «Иди

ты туда-то и туда-то».

«Так неужели, мой друг, товарищ и брат,— спрашиваю я тебя. — Так неужели достаточно одеть этих музыкантов в одежду серого или зеленого цвета, построить их в колонны по четыре, скомандовать «Смирно», выбросить руку в приветствии, крикнуть «Хайль!», «Ура!» или «Ату!»— и все переворачивается с ног на голову, все летит в тартарары, все теряет свой обычный и приобретает совершенно новый смысл. И то, что вчера было совершенно ясно и очевидно — сегодня подлежит сомнению и недоверию, и страху. И всплывает тот самый один из трех источников и трех составных частей***** основного вопроса философии: «Бытие определяет сознание?» Или, наоборот: «Сознание определяет бытие, дебоширство и насилие?»».

Но, представляешь, как только участники коллоквиума подошли к этому вопросу, как только один из нас пискнул откуда-то из заднего ряда: «А человек может что-либо сделать?» проснулся председательствующий на конференции. Придя в себя, он вообразил, что он только-только эту конференцию собирается открыть. Поэтому он опять прочитал повестку дня и снова заснул.

Но, поскольку, как я уже упоминал, с артикуляцией у него не все ладно, то на этот раз основной вопрос философии у него прозвучал так:

«Питие определяет сознание? Знак вопроса».

Зал ахнул, но, поскольку с членом ВКК не так уж и поспо-

ришь, тем более, что он крепко спит, философическая мысль коллег по повышению квалификации устремилась во вновь заданное направление.

Так мы подошли ко второму источнику из трех источников основного вопроса философии, но об этом – в следующем письме.

На этом позволь мне закончить на сегодня, пожелать тебе здоровья, счастья и благополучия, а в связи с началом зимы и выпавшим первым снегом, закончить штампом из нашей юношеской переписки:

«Жду ответа, как соловей лета!»

Пока!

Твой Виктор Панько

1.12.2007

ПРИМЕЧАНИЯ

* Горацио – друг Гамлета в пьесе Шекспира

** Когда-то была такая песня:

Смело мы в бой пойдем

За власть Советов

И как один умрем

В борьбе за это....

*** Фамилия взята для рифмы.

**** Неологизм, придуманный мною. Происходит от слова «индюк».

***** Была такая философская работа: «Три источника и три составные части марксизма».

Письмо четвертое

ВТОРОЙ ИСТОЧНИК ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ

Здравствуй, мой дорогой друг!

Помнится, предыдущее мое письмо было посвящено конференции философов Бунгу-Вунгу на курсах повышения квалификации по теме основного вопроса философии, где, по причине невнятности председательской артикуляции, вместо всеобъемлющего слова «БЫТИЕ», под которым подразумевается, я думаю, «МАТЕРИЯ», взялись мы анализировать понятие «БИТИЕ», которое включает в себя не столько СУБЪЕКТ, СУЩЕЕ, сколько ПРОЦЕСС. Другими словами, если в первом слове это обозначается именем существительным, то во втором – почти что глаголом.

Неискушенный ум тут может не увидеть разницы, как не видел разницы Антисфен между вождем войск и погонщиком ослов, но сравни гамлетовское «быть или не быть?» и гитлеровское «бить или не бить?» и ты усекешь разницу. Во втором чувствуется более выраженное «Я», «Эго», тогда

как в первом – больше раздумий о глобальных проблемах существования...

Автором Гамлета был Шекспир, автором Гитлера была немецкая демократия. И авторы, и их герои навечно вошли в историю, ты знаешь в качестве кого.

И вот по воле случая, из-за невнятности произношения руководителя курсов, мы были вынуждены не только останавливаться на названных выше проблемах, но и перейти к обсуждению несравненно более лиричного, если так можно выразиться, более сокровенного вопроса, более трепетной и нежной темы: «Питие определяет сознание? Знак вопроса».

Что до меня, то, хотя и нельзя отрицать принадлежность этой проблемы к основному вопросу философии, любой ответ на него будет неполным. На мой взгляд, не следует отрывать питие от его неотъемлемого спутника – яства. Их обязательно надо рассматривать, эти два компонента, в единстве, иначе мы будем нарушать закон единства и борьбы противоположностей. Сам подумай: к чему приводит выпивка без соответствующей закуски? В какие философические рамки втиснешь ты пример, когда философ-теоретик выпивает трехлитровую банку вина, а в качестве закуски обходится всего лишь нюханием своего собственного рукава, то есть рукава своей собственной фуфайки? А то, что питие в совокупности с яством определяет сознание, а не наоборот, я лично доказал в своем выступлении на конференции, приведя следующий бесспорный аргумент.

Я сказал так: «Уважаемые коллеги! Вы должны согласиться со мной в том, что есть большая разница, когда вы выпиваете энное количество коньяка и ваши щеки трещат от того, что вы трескаете печень трески, с одной стороны, и когда вы трескаете сковородку фасоли, запивая ее энным же количеством капустного рассола, – с другой».

В первом случае, согласитесь со мной, ваше сознание будет несколько приземленным, если так можно выразиться – придиванным. Вас будут одолевать инстинкты сохранения рода и стремления к сексуальным подвигам.

Во втором же случае ваши помыслы будут значительно более высокими, вы будете мыслить более масштабно. Вас будут волновать вопросы, касающиеся будущего всего человечества: сохранения озонового слоя планеты, Киотский протокол, парниковый эффект, потепление климата и так далее.

Вот, к чему может привести одно лишь употребление на ночь фасоли философом-теоретиком!»

Может быть, эти мои теоретические выкладки и не имели бы должного успеха, но откуда-то из последних рядов нашей аудитории раздался звук, напоминающий пушечный выстрел, правда, значительно, значительно меньшей силы. Он не только отвлек внимание слушателей, но и убедительнейшим образом подтвердил правоту моих высказываний на практике.

Если же говорить только о «питии» в более широком плане, то нельзя упускать из виду то, что, в первую очередь, по-

видимому, нужно обратить внимание на употребление воды, формула которой тебе известна: H_2O . И это естественно, ведь организм человека по содержанию в нем воды мало чем отличается от обыкновенного огурца или там помидора, или морковки. Отсюда нетрудно догадаться, что чем качественнее употребляемая человеком вода, тем он бодрее, здоровее, энергичнее и, я бы сказал, философичнее.

И именно положение дел с питьем воды в Бунгу-Вунгу натолкнуло меня на мысль о начале конца всемирной классической философии.

Дело в том, что здесь уже на протяжении нескольких десятков лет решили пойти своим особым путем.

Вместо постоянной борьбы за улучшение качества питьевой воды, чистоту ее наземных и подземных запасов, в Бунгу-Вунгу решили интенсивно заняться приспособлением организмов туземцев к особенностям загрязненной воды. Ну, наподобие того, как колорадский жук адаптируется к всевозможным «децисам» и «карате». Так, посчитали философы-практики, житель Бунгу-Бунгу может приспособиться к любому составу воды, а, поскольку подземные источники здесь были первозданной чистоты, речки были прозрачными, как самогон после двойного перегона, и то же самое было в колодцах, и все это было только чуть-чуть загрязнено, то какой тут был выход из положения?

С молчаливого согласия философов-теоретиков, в поймы речек и к берегам прудов послушное население начало сво-

зить разного рода мусор. Это – экскременты крупного и мелкого скота, битый кирпич, осколки стекла, поеденные ржавчиной вышедшие из употребления металлические изделия, наподобие ведер без дна или протекающих корыт, пластиковых бутылок из-под олифы и разного рода красок и так далее.

Имелось в виду, что, если это все богатство будет постепенно разлагаться и стекать в ручей или речку, или пруд, то туземец, подобно колорадскому жуку, будет привыкать к воде нового состава, и поэтому его в дальнейшем не возьмет никакая отравка, может быть, даже – химическое оружие массового поражения.

Как тебе идея?

Параллельно с этими мероприятиями проводились и другие.

Если раньше фермы крупного рогатого скота были крупными и находились в отдалении от населенных пунктов, то после определенных реформ все коровы, телки, бычки, а также козы, овцы и свиньи были перемещены в населенные пункты, поближе к колодцам. Это соответствовало целям, намеченным философами Бунгу-Вунгу, а именно – загрязнению почвы мочой и калом, которые, стекая постепенно в подземные источники, ускоряют этот процесс.

Я не располагаю достоверными сведениями о том, были ли изданы какие-либо законодательные акты о поощрении тех туземцев, которые усиленно загрязняют воду. Но, судя

по тому, как чиновники разного рода служб с безразличием взирают на замусоривание придорожных насаждений, лесов и лесочков, на появление там мешков с битой посудой, строительным мусором и прочим хламом, здесь можно усматривать определенную стратегическую линию.

Не думаю, что Его Величество Вождь Вунгу-Вунгу Омрэу издаст указ о присвоении особо выдающимся деятелям званий, наподобие «Лучший загрязнитель природы» или «Спящий эколог Первой степени», но к чему-то подобному туземцы близки по духу.

Результатом всех этих мер стало то, что в колодцах населенных пунктов, находящихся за пределами Бунунги, столицы этой страны, вода, если сравнить ее с нашими стандартами, превышает по загрязненности допустимый уровень, если не по нитратам, то по бактериальному составу, если не по бактериям – то по содержанию фтора и так далее.

Вот об этом мы и говорили на конференции, пока председательствующий спал. Питание определяет сознание или – не определяет?

С одной стороны, вода имеет склонность к загрязнению. С другой – качество водочных изделий и их разнообразие, а также их валовое производство и объем продаж населению в Бунгу-Вунгу растут. Каждый второй мужчина и каждая третья женщина, не дожившие здесь до пенсионного возраста, (по непроверенным данным) умерли от алкоголизма или болезней, вызванных употреблением спиртных напитков.

Мне лично пришлось видеть в одном туземном селении нынешним летом в совершенно будний день спящего в придорожной канаве туземца, а через метров двести – туземку. Так что пусть феминистки, ратующие за равные права мужчин и женщин, умерят пыл своей борьбы! Один лишь этот пример красноречиво подтверждает равноправие полов в Бунгу-Вунгу!

После конференции, прояснившей для меня, по крайней мере, многие вопросы, стало понятным: питье определяет сознание! Иначе – количество баров и других питейных заведений не опережало бы по темпам роста количество грибов после дождя, количество автомобильных аварий никак бы не соотносилось с фактами питья спиртного, хулиганы, насильники и дебоширы доставлялись бы в полицию трезвыми как стеклышко, а радио Бунгу-Вунгу не передавало бы песен, наподобие этой:

«Хочу пить, хочу пить, хочу с друзьями все пропить, до последнего бунга»* или: «Выпью я стаканов семь, а потом начну плакать о своей судьбе».

Определяет ли сознание питье вина – конференция так и не решила.

С одной стороны, последствия от употребления этого божественного напитка – те же, что и от питья неочищенного свекольного самогона, включая дебош в семье, сон в канаве, мокрые брюки в определенных местах. Все дело в объеме выпиваемого, в культуре, так сказать, потребления, в умении

контролировать полет своей фантазии, не отрываясь от реальности. Поистине тут незаменим философический подход, учет закона о переходе количественных изменений в качественные ! Если ты недобрал – белая ворона, добрал до нормы – ПОЭТ, перебрал – осел и свинья одновременно.

С другой стороны, если употребление вина было известно еще с самых древних времен в такой высококультурной стране, как Эллада, имевшая даже весьма почитаемых богов Бахуса и Вакха, то почему Бунгу-Вунгу должна отмежеваться от этого явления, приносящего обществу, кроме всего прочего, еще и существенную прибыль?

Даже в Библии сказано: «Каждый должен возделывать свой виноградник». Виноградник! Не какие-нибудь кокосовые или абрикосовые сады, хотя и из их плодов можно, я думаю, гнать превосходный самогон, но – виноградник! И это в тех условиях, когда отсутствовали холодильники, десятилитровые бутылки, металлические или пластмассовые крышки и закаточные машинки, то есть все, что могло превратить плоды виноградного куста в превосходный, ароматный лечебный сок.

О других ассоциациях, связанных с вином, я не буду тебе рассказывать, но, особенно теперь, после конференции, осознаю сам и тебя прошу осознать: соблюдай меру! А мера, как ты помнишь из философии, есть оптимальное соотношение между количеством и качеством.

Будем ПОЭТАМИ!

И вот, размышляя над итогами конференции, и вообще – просто размышляя – нельзя не наткнуться – прямо носом! – на такую проблему или, иначе сказать вопрос: «Мы такие, потому что так оно идет?» или «Оно так идет потому, что мы – такие?».

Поверь мне, если в плане общеприкладном основной вопрос давно сформулирован, (я не утверждаю, что он может быть когда-нибудь решен), то в плане реально-бытовом вот он тебе, основной вопрос: «**МЫ ТАКИЕ ПОТОМУ, ЧТО ТАК ОНО ИДЕТ? ИЛИ ОНО ТАК ИДЕТ ПОТОМУ, ЧТО МЫ – ТАКИЕ?**».

Как видишь, тут не один, а два вопроса, две задачки. Какую из них выбрать для решения – дело предпочтения каждого. Хотя, в принципе, я не исключаю, что эти два вопроса, или, если заменить вопросительные знаки восклицательными, эти два ответа настолько тесно взаимосвязаны, что их вообще невозможно оторвать друг от друга, как у постоянного магнита невозможно оторвать минус от плюса.

Вот, что я хотел сообщить тебе в моем очередном письме. Написал бы еще больше, но чувство меры нужно соблюдать и в многословии, иначе, переборщив, можно надоесть. Поэтому закругляюсь.

Желаю тебе радостных рождественских и новогодних праздников, здоровья и благополучия.

Твой навеки, Виктор.

Постскриптум:

Работая над темой, вспомнил несколько прикольных фамилий, придуманных любителями фольклора. Среди них – две литовских: «Нинапивайтис» и «Ниматюкайтис». Есть в этой коллекции и другие, но эти меня просто поразили.

До чего изобретателен человеческий ум!

Виктор ПАНЬКО

16.12.07.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Бунг – денежная единица в Бунгу-Вунгу. Примечательно, что здесь этими монетами дети играют, как мы когда-то играли металлическими пуговицами.

Письмо пятое

ТРЕТЬЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ

Рад приветствовать тебя в канун новогодних празднований и пожелать здоровья и благополучия, скучаю, хотелось бы быть рядом с тобой, но – увы! Я по-прежнему осваиваю тонкости повышения квалификации в области философии Бунгу – Вунгу, а значит -ничто человеческое мне не чуждо только на бумаге.

Прошрое письмо я вынужден был прервать из-за прису-щего мне многословия, поэтому я не полностью раскрыл тему о том, как ПИТИЕ влияет на СОЗНАНИЕ (или – наобо-

рот). В мелочах, я забыл о главном.

Скажите любому жителю Бунгу-Вунгу ничем не примечательное слово «БЕЛКА». И вы убедитесь: он сразу же поведаст вам о том, что питье изменяет и модифицирует сознание таким образом, что философ-теоретик, и даже политолог, и, тем более практик, могут в фазе делирия на совершенно голом месте усмотреть разного рода земноводных и пресмыкающихся: лягушек, змей, крокодилов и тритонов.

Увидеть прямо перед глазами за обеденным столом маленького тритончика – высшее достижение такого рода измененного сознания. Тут сказывается объединение приземленного реализма с фантастическим символизмом. «Три тонны выпил ты вина – вот тебе тритона на!» – как бы говорит тебе голос свыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.